

ИСТОРИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ: СРАВНЕНИЕ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И РОССИИ

1. Вопросы истории преступности

С шестидесятих годов в особенности в Англии и Франции возник большой интерес к истории преступности и борьбы с ней. Можно назвать различные причины его возникновения. В истории ищут аргументы за и против стратегий, направленных на повышение эффективности борьбы с преступностью сегодня.

Помимо этого подхода, при котором акцент делается на актуальных вопросах и который отталкивается от социологии преступности и уголовного права, имелся также собственно исторический интерес к теме: просыпающаяся социальная история и несколько позже культурная история признавали, что отклоняющееся поведение в целом и уголовные преступления в особенности могут быть значительным индикатором общественных отношений. В противоположность практиковавшемуся до того времени сбору и морализирующей оценке криминальных случаев, историй убийств и героев-разбойников, теперь начали интерпретировать общую картину преступности в определенное время и в определенном пространстве и при этом обращать внимание также на мелкие преступления, криминогенную среду, представления населения о праве и повседневные правонарушения.

Наконец, историки снова обратились к прежним вопросам истории права и правовых учреждений, но продолжили их изучение под другим знаком. Казалось необходимым перепроверить до сих пор признававшуюся всеми, похожую на гравию на дереве картину жестокости и произвола юстиции прежних веков, исследовать фактическую эффективность судов и органов полиции и задать вопрос о реальности будней. Сюда относилось также определение социального происхождения и профессионализма представителей правовых институтов. Кроме того, так как ограничение от отклоняюще-

го поведения понималось как комплексный механизм "социального контроля", в рамках которого государственные органы представляют собой только один элемент, интерес в растущей мере представляли также неформальные инстанции и внегосударственные учреждения социального контроля, такие как церковь, сельская община или семья.

От усовершенствованной и дифференцированной картины ожидали выводов о социальной структуре, а также о ментальности обществ до нового времени, которые частично были уже прояснены в других исследованиях, а частично оставались совершенно неизвестными. Насколько велики были культурные различия между городом и деревней? Стали ли различные социальные группы более похожи друг на друга или их ментальность расходилась? Имелась ли существенная разница между правонарушителями мужчинами и женщинами, были ли возраст и профессия релевантными для криминального поведения? Сравнение с современностью постоянно присутствует и здесь; это касается в особенности вопроса, в какой мере социальное неравенство является условием преступности.

Надеялись узнать также, как и в какой мере государству раннего нового времени удавалось шлюзовать конфликты, наказывать за преступления и монополизировать применение силы. Было ли учреждение полицейских и судебных органов реакцией на рост преступности или оно служило в первую очередь маркировке государственного присутствия? Подчинялась ли разработка санкций внутриправовой логике, как думают историки права, или с этим были связаны специфические интересы и стратегии? Основывался ли государственный социальный контроль только на репрессиях, или он был нацелен также на усвоение норм? Какой вес имели религиозные представления о ценностях, какое значе-

ние имела церковная и дворянская юрисдикция?

Когда мы говорим об "отклоняющемся поведении", это указывает, в конечном счете, также на то, что "преступность" следует понимать не как нечто неизменное; представление о том, что считать «преступным», зависело от общественных условий. Правда, покушение против личности и собственности во все времена классифицировалось и наказывалось как отклоняющееся поведение. Но насколько серьезными считались эти преступления по сравнению друг с другом и с другими видами преступлений, так же изменчиво, как палитра тех видов поведения, которое сверх того рассматривалось как отклоняющееся. Так, в раннее новое время правонарушения, связанные с оскорблением его величества и богохульством, правонарушения против нравов и нарушения общественного порядка часто считались более криминальными, чем грубое насилие.

Если говорить коротко: "преступность" необходимо исследовать как историческую переменную величину, а не как константу; как переменную величину, которая определяется рядом факторов, даже если, возможно, они и были сходны в различное время. Именно поэтому преступность может служить также индикатором социальных, культурных и политических условий. Соответственно контроль над преступностью следует рассматривать не просто как более или менее сильную необходимую реакцию, а как силовое поле, на котором сталкиваются заинтересованные лица, политические интересы и социальные положения.

2. Данные по истории преступности

История преступности во всех западно - и средневропейских странах оформилась как самостоятельная дисциплина. Но ученые так же далеки от простых ответов, как и от охватывающего исследования предметов, о которых идет речь. В любом случае имеются некоторые результаты, полученные независимо друг от друга и, тем не менее, обнаруживающие значительные соответствия.

К этим общим данным относится, прежде всего, представление о специфическом отношении к насилию до нового времени. Применение силы по отношению к личности было тесно связано с понятием чести, которое было решающим для материального и социального существования отдельного человека и членов его семьи. Защиту чести посредством применения силы не только терпели, но и определенным образом даже требовали. По этой причине насилие было повседневным явлением общественного пространства: люди каждого сословия, соседи и родственники дрались в трактире, перед церковью, на улице. Часто к такой драке присоединялись другие, обостряя конфликт. В связи с плохим состоянием медицинского обеспечения защита чести часто заканчивалась смертельным исходом.

Если потом потерпевший или – в случае его смерти – члены его семьи обращались в суд, то это происходило не для того, чтобы заклеить виновника, а служило скорее для того, чтобы потребовать возмещения ущерба или чтобы защитить себя от нового применения силы. Этому соответствовало сравнительно мягкое наказание за насилие: убийства в XVI веке часто еще наказывались денежными штрафами и ограниченными сроками ссылки. Только в XVII веке во всей Европе началась решительная криминализация насилия, утвердилась смертная казнь убийц – это отражало представление о том, что «повседневное насилие» есть преступление.

Этот вид терпимости никогда не относился к преступлениям по отношению к собственности. Правда, кража также была распространенным правонарушением, в большинстве случаев совершавшимся местными жителями. Однако в обществе дефицита, в котором статус человека определялся его имущественным положением, требования были более категоричными. Законы всюду предусматривали смертную казнь за преступления против собственности, как только они выходили за определенные рамки незначительных нарушений. Правда, можно

установить, что наказание иногда воспринималось как слишком суровое: если обокраденным удавалось вернуть свое имущество, они часто отказывались от обращения в суд.

Поскольку личной чести придавалось большое значение, оскорбления часто передавались для рассмотрения в суд и там также строго наказывались. То же относится и к многочисленным религиозным нормам, которые (прежде всего в отношении добрых и внебрачных связей) после Реформации повсюду стали более строгими – это ни в коем случае не было только выражением контроля со стороны властей, эти нормы в принципе разделялись людьми. Напротив, отсутствовала поддержка мероприятий для улучшения общественного порядка – таких, как запрет азартных игр, питья алкогольных напитков и попрошайничества, которые с XVI века были записаны в так называемых "Полицейских уставах".

Этим уже указывается на то, что юстиция и ее принудительные средства еще не были эффективным инструментом для выполнения норм закона. Скорее они были зависимы от поддержки населения; там, где она отсутствовала – как при упомянутых мероприятиях по поддержанию порядка, но также и в отношении усиления наказаний за «бытовое» насилие – ее усилия часто были впустую. Однако государство раннего нового времени стремилось устранить механизмы, которые конкурировали с его учреждениями контроля: с одной стороны, формы соглашения и улаживания между заинтересованными лицами, с другой, церковную, кооперативную или патримониальную юрисдикцию. Этим оно хотело монополизировать установление норм и одновременно сигнализировать свое всевластие по отношению к подчиненным.

Историки, изучающие преступность, уделяли особое внимание долгосрочным изменениям и рассмотрению вызывающих их причин. При этом основой часто служили крупные социологические теории модернизации, в особенности Макса Вебера, Норберта Элиаса и Мишеля Фуко, которые видели в Раннем

новом времени маршрут к "современному" человеку, то есть к рациональному и дисциплинированному члену капиталистического и демократического массового общества. До сегодняшнего дня обсуждается вопрос, возможно ли подтвердить такие теории с помощью статистических данных истории преступности.

Однако на пути таких попыток стоят большие методические проблемы. Так, например, нельзя просто исходить из того, что устанавливаемый на основе источников растущий уровень правонарушений по отношению к собственности указывает на реальность этого процесса: неучтенные цифры были высоки, и, возможно, такие изменения свидетельствовали только о том, что пострадавшие стали чаще обращаться в суд или возросла активность самих судов. Большая нерегулярность и колебания почти во всех установленных данных подтверждают подозрение, что сведения по более ранним столетиям крайне ненадежны.

Тем не менее, невозможно игнорировать, по крайней мере, одну тенденцию: уровень преступлений с применением насилия снизился с XVI до XVIII века. Это, по всей видимости, в меньшей мере было следствием политики санкций властей, но скорее объяснялось социальной дискредитацией насилия. При этом, очевидно, впереди были городские верхние и средние слои. Одновременно создается впечатление, что прирост населения, урбанизация и интенсификация классовых различий, как их можно наблюдать прежде всего в Англии в XVIII веке, увеличивали готовность к преступлениям против собственности.

3. Проблемы применения концепции по отношению к России

В связи с особенностями русской истории этих столетий поиск соответствий и контрастов с Западной Европой в области истории преступности кажется привлекательным.

Но в то же время в связи с большими различиями перенос вопросов оказывается сложным. Проблемы возникают прежде всего на уровне источников: правда, о государственной и церковной

юрисдикции до эпохи Петра Великого остались фрагментарные источники, но они не позволяют дать количественную оценку.

Допетровская эпоха отличалась недостатком письменности в административной области. Кроме того, отсутствовали государственные судебные учреждения. Это имеет три основные причины: с одной стороны, незначительное насыщение страны государственными учреждениями вообще. Большую часть страны составляло дворянское и церковное землевладение; дворяне и церковь в значительной мере сами управляли своими жителями. Наряду с этим царские воеводы обладали определенными полномочиями в области налогообложения и судопроизводства, но они не должны были давать об этом систематических отчетов. Вторая причина – это отсутствие самостоятельных городов, которые в Западной Европе служили примером и основой для развития государственной административной деятельности. Так, уже с XIV века в большинстве торговых метрополий можно найти систематические записи гражданских и уголовных процессов. Не случайно первое городское судопроизводство в допетровской России было разработано в Пскове, где торговое купечество, как на Западе, было сильно заинтересовано в правовой безопасности.

В-третьих, в России также отсутствовала античная правовая традиция, передававшаяся средневековыми церковными учреждениями и усовершенствованная в университетах. Таким образом, понятия "собственность" и даже "преступность" были введены в правовой язык только в начале XVIII века. От недостатка профессионализации законодательства и юрисдикция страдали в течение всего XVIII века и позже, так как накапливалась неупорядоченная масса законов, правильное применение которых было невозможно. Несмотря на самые лучшие намерения, в этой ситуации был виноват, прежде всего, Петр I, который издавал тысячи часто противоречивых указов во всех областях общественной жизни.

Если до Петра Великого правительство ограничивалось тем, чтобы наказывать тяжкие преступления, теперь он прилагал усилия для влияния на ежедневную жизнь подданных и перенял концепции «порядка» и «дисциплины» и многие из конкретных правил поведения, сформулированных в западных «Полицейских уставах». Соответственно в 1721 году он сформулировал в Регламенте Главного магистрата: «Полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков». Однако его лихорадочная активность при создании новых учреждений не вела ни к чему: как и многие его реформы, создание судов осталось незаконченным и пришло в упадок после его смерти; уже в 1727 году воеводы получили обратно свои старые судебные полномочия.

Напротив, Петр I ограничил юрисдикцию церкви и поставил ее на службу своей "полицейской" этике. Но так как его меры снижали авторитет церкви у верующих, они были скорее вредны с точки зрения порядка и нравов.

Тем не менее усилия Петра I установили масштаб, по которому мерили себя его преемники. В 1730 г. в Москве был основан уголовный суд (Сыскной Приказ); правда, он отвечал за одну Московскую губернию. Только Екатерина Великая учредила по всей стране сеть уголовных судов.

Но в то же время государству не удалось ограничить власть помещиков по отношению к своим крестьянам. Точнее говоря, для этого вообще не предпринималось никаких усилий; монарх был слишком зависим от услуг дворянства. Поэтому превышение дворянином власти над крепостным – правда, за исключением случаев изнасилования – почти никогда не наказывалось на государственном уровне. В 1765 году, через 3 года после отмены государственной повинности, дворяне даже получили право отправлять крепостных на пожизненные принудительные работы в Сибирь без привлечения государственных инстанций. Так называемое «домашнее следствие и наказание» препятствовало распространению государственной юрисдикции на сель-

ское население, мешало развитию правового сознания – и, разумеется, не оставляло после себя никаких письменных источников.

4. Сходства и различия

Основываясь прежде всего на актах созданного в 1730 г. Московского уголовного суда (Сыскной Приказ), можно выделить определенные тенденции развития, которые сопоставимы с результатами западных исследований[1].

В целом эти источники показывают, что преступность в Москве в XVIII в. в значительной мере была обусловлена бегством крепостных. Пригороды были местом, куда стекались крестьяне, которые, с одной стороны, скрывались от розыска, а с другой стороны, должны были найти средства к существованию. Хотя многие из них начинали заниматься промыслом, в условиях оторванности от старых корней и бедности создавалась среда, для которой такие правонарушения, как кражи, были характерны гораздо больше, чем для сельского населения. Это подтверждает мнение, выдвинутое для Запада, что скопление населения в городах и сильные имущественные различия представляли питательную среду для преступлений против собственности. Это подтверждается тем, что рост цен на хлеб в 1760-е г. повлек за собой рост уровня краж (примерно от 170 до 230 в год).

Западным данным соответствует также наблюдение, что преступность на бытовой почве была связана не с городской средой, а напротив, была феноменом сельского пространства и сельского быта. Пивная, игра в карты, употребление спиртных напитков и кулачные бои, прежде всего зимой – когда нечем было заняться – вели к многочисленным смертельным случаям; нередко были также убийства среди супругов. Борьба за материальное существование в пределах общины дополнительно усиливала готовность к конфликтам, которые часто возникали при измерении участков и перераспределении земельных наделов. Однако к таким формам насилия, кажется, в значительной мере относились терпимо,

так как по поводу травм без смертельных последствий в суд почти не обращались.

На фоне западноевропейских данных особое внимание обращает на себя тенденция развития, которую можно проследить между 30 и 70 гг. XVIII в. – а именно определенный спад преступлений с применением насилия и небольшой прирост преступлений против собственности. Конечно, при этом необходимо учитывать, что число жителей Москвы в течение столетия почти удвоилось. Правда, этим спад преступности с применением насилия подчеркивается еще больше.

Как можно показать на основе протоколов, активность суда полностью зависела от сообщений населения о правонарушениях. Большая часть поданных сообщений о правонарушениях касалась преступлений против собственности, что указывает на относительно высокую степень криминализации. Однако не в последнюю очередь из-за высоких издержек на судопроизводство сообщения о большинстве правонарушений вообще не подавались. Их польза была ограниченной ввиду продажности персонала и его недостаточного криминологического опыта; только небольшая часть заявлений приводила к конкретному обвинению или даже к изобличению преступника. Поэтому центральную роль в преследовании и предупреждении преступлений, вероятно, играли неформальные сети социального контроля – семья, родственники, соседи и так далее.

Вопреки стереотипам о драконовском царском государстве наказания в большинстве случаев были более мягкими, чем в Западной Европе. Убийства наказывались только кнутом, кража в размере менее 20 руб. розгой. Начиная с Петра I, число наказаний с нанесением увечий отчетливо снизилось, а его дочь Елизавета приостановила смертную казнь – мера, уникальная для этого времени. Разумеется, наказание кнутом нередко приводило к смерти, и специфически русская мера наказания – сибирская ссылка и принудительные работы – всегда означали социальное, часто также физическое вычеркивание из жизни.

Наряду с данными о государственном уголовном суде исследования дворянских поместий указывают [2], что здесь, как правило, картину социального контроля определяли не помещики, а внутренние механизмы деревенской общины. В пределах большой семьи глава семьи (большак) был полицейским, который воздействовал на членов своей семьи также физической силой. В пределах деревни собрание общины действовало в качестве органа надзора. О явных правонарушителях сообщалось управляющему имением, чтобы подвергать их порке. Однако самым сильным оружием деревенской общины была угроза призыва в армию: тот, кто не подчинялся правилам, в ходе регулярных освидетельствований включался в список рекрутов и тем самым навсегда высылался из деревни. Различные исследования показывают, что помещик лишь редко вмешивался в этот отбор. Тем самым освидетельствования служили социальному контролю в деревне, который осуществлялся не столько сверху, сколько самими жителями. Напротив, крестьяне в большинстве случаев с успехом сопротивлялись инструкциям о порядке, которые пытались ввести помещики, прежде всего в XIX веке, – даже среди крепостных невозможно было применять никакие нормы, которые противоречили их интересам и опыту.

Совершенно сходным оказывается суждение относительно церковного воспитания нравов[3]. Только если церков-

ные санкции соответствовали моральным представлениям людей, они имели успех. Исповедь, по всей видимости, посещалась лишь редко; отлучение от причастия, самое сильное оружие церкви, было наказанием постольку, поскольку оно сопровождалось социальной изоляцией. Так как попы экономически и социально зависели от общины и едва ли отличались от ее членов по уровню образования, их авторитет был незначительным.

Подводя итоги, можно сказать, что характер преступности в России, ее причины и общественная оценка в значительной степени совпадают с данными для Западной Европы. Напротив, авторитет государственных учреждений был выражен несравненно слабее; русское государство не владело никакой монополией на применение силы. Огромный дефицит существовавших законов, который продолжался до XIX века, резко контрастировал с желанием правительства регламентировать все области общественной жизни. Россия эпохи раннего нового времени была, как можно сформулировать, одновременно слишком регулируемой и недостаточно управляемой. Местная традиция оставалась центральным элементом социального контроля.

Перевод И.Н.Мирославской

Библиографический список

1. Cristoph Schmidt. Sozialkontrolle in Moskau. Justiz, Kriminalität und Leibeigenschaft 1649-1785. Stuttgart, 1986.
2. Stephen L.Hoch. Serfdom and Social Control in Russia. Petrovskoe, a Vollage in Tambow. Chicago, 1986.
3. Lars Behrisch. Social Discipline in Early Modern Russia, 17-th – 19-th Centuries // Heinz Schilling (Hg.) Institutionen, Instrumente und Akteure sozialer Kontrolle und Disziplinierung im frühneuzeitlichen Europa. Frankfurt a.M., 1999. S. 325-357.